

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 306 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ
XXI
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

ТАРТУ 1973

ОДИН ИЗ ОТЗЫВОВ НА СТИХОТВОРЕНИЕ Н. А. НЕКРАСОВА «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

П. С. Рейфман

Стихотворение Некрасова «Железная дорога» принадлежит к числу лучших и наиболее известных произведений великого русского поэта. «Железная дорога» — гимн во славу труда, «строительной, творческой, массовой народной работы»¹. Одновременно в стихотворении правдиво изображены «зрелище бедствий народных»², эксплуатация трудящихся масс, враги народа, его порабитители.

«Железная дорога», как и некоторые другие произведения писателей демократического лагеря³, противостояла буржуазно-либеральной поэтизации железнодорожного строительства, которая находила отражение в журналистике и литературе. Повествуя о постройке Петербургско-Московской железной дороги, стихотворение было современным и злободневным и для 1860-х гг.⁴ Оно вызвало недовольство властей, явилось поводом для второго предостережения, вынесенного «Современнику» в декабре 1865 г.⁵

Естественно, что «Железная дорога» с крайним раздражением воспринималась реакционной печатью, что делались попытки «опровергнуть» Некрасова, обвинить его в фальсификации действительности, в слишком мрачном и одностороннем изображении жизни. К таким попыткам относится письмо А. С. З. «Мечты и действительность», напечатанное в № 54 газеты «Весть» за 1867 г. и датированное маем 1866 г.⁶

Эпиграфом к письму поставлены несколько измененные строки из стихотворения Некрасова:

«Грабили вас грамотей десятички.
Секло начальство, давила нужда.
Все претерпели вы, божины ратники,
Мирные дети труда»⁷.

Само же содержание письма должно было служить опровержением этих строк, всей сути некрасовской «Железной дороги». Автор его старался уверить читателей, что картина, нарисованная Некрасовым, излишне темна и беспросветна. По словам А. С. З., недели две тому назад он разговаривал с крестьянином-плотником, строившим Московско-Петербургскую железную дорогу. Тот якобы с большой похвалой отзывался о жизни рабочих-строи-

¹ Корней Чуковский. Собр. соч. в 6 тт. М., 1966, т. 4, с. 389. В дальнейшем: Чуковский, с. 383.

² Там же, с. 383.

³ См., например, описание строительства Московско-Нижегородской дороги в очерках В. А. Слепцова «Владимирка и Клязьма», Чуковский, с. 401—402.

⁴ Чуковский, с. 402.

⁵ Там же, с. 410—411.

⁶ А. С. З. — псевдоним А. С. Зеленого.

⁷ У Некрасова «нас», «мы».

телей: «Я сам строил! Важно было: только не ленись, не бунтуй и не пьянствуй — никто тебя пальцем не тронет; харчи давали такие, что мы дома здесь и по праздникам не вкушаем; плата — хорошая, и человек трезвый и прилежный приносил домой довольно денег».

А. С. З. уверяет, что он пытался сбить крестьянина с его точки зрения, говорил, что, по слухам, на строительстве было голодно и холодно, что работников обсчитывали и секли, что им приходилось преодолевать непомерные трудности⁸, но тот твердо стоял на своем, с похвалой вспоминая о постройке дороги: «Секли, кто стоял. Да если бы не секли пакостников, то что ж бы там было?», «А уж насчет харчей или обсчетов — это лгут», «про обсчеты я и не слышал: врет, кто это говорит».

Аналогичный разговор был якобы у автора письма три дня назад с мещанином-канавщиком, проработавшим два года чернорабочим и пять лет десятником на строительстве той же Московско-Петербургской железной дороги.

На вопрос, не умирали ли рабочие от плохой жизни, голода, тяжелого труда, мещанин дает неожиданный, успокаивающий ответ, утверждая, что вред был вызван не недостатком, а переизбытком пищи: «Как так плохо? Заработок отличный! А харчи: хлеб хороший, ешь не с весу и не с порции, а сколько хочешь; каши — тоже ешь сколько хочешь — вволю; мяса — по фунту в день на человека; вся беда заключалась дескать в том, что работники, особенно белорусы, приходили на строительство отощавшими, «да как наваливались на такие харчи, каких дома и не выдывали <...> налопались это, объедались и стали пухнуть».

Любопытно, что А. С. З. заставляет своего мещанина-канавщика, по всей видимости вымышленного, опровергать не только общий смысл стихотворения Некрасова, но и отдельные его детали. Упоминание об опухших от обилия пищи белорусах несомненно ориентировано на строки:

«Видишь, стоит, изможден лихорадкой,
Высокорослый больной белорус;
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках;
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли, колтун в волосах»⁹

Такая ориентировка служит одним из доводов, позволяющим утверждать, что плотник-крестьянин и мещанин-канавщик — плоды выдумки автора письма: ведь мещанин вряд ли мог знать стихотворение «Железная дорога» (во всяком случае, в письме об этом не говорится ни слова), а, между тем, он полемизирует с отдельными его деталями.

Мещанин-канавщик, как и крестьянин-плотник, уверяет, что секли только виноватых, за буйство и пьянство. Он говорит о расчетных книжках, о том, что «обсчитывать было нельзя — разве дурака какого-нибудь». По уверению А. С. З., «ничего подобного описанному в пресловутой «Железной дороге» Некрасова я не мог извлечь из его простодушного рассказа».

Слащаво-идиллическая картина постройки железной дороги противопоставлялась в письме всеми своими деталями стихотворению Некрасова. Получалось, что на самом деле рабочие не голодали, что грамотей-десятники их не обсчитывали, что начальство не секло, а если и секло, то за дело; Некрасов дескать выдумал все подобные «ужасы», выдумка же его не случайна, она определена общим направлением его поэзии, якобы приводящим к искажению действительности: «А прочтите-ка стихотворение?!.. Вот на чем выезжают люди известного направления, даже с таким громадным (по моему мнению) талантом, как Н. А. Некрасов!.. А стих так хорош, так обаятелен!.. стих охватывает душу, — так сказать, подкупает, и видно, и чувствуется, что источник мыслей, высказанных в стихотворении поэтом —

⁸ Т. е. он якобы приводил доводы, взятые из стихотворения Некрасова.

⁹ Разрядка моя — П. Р.

чистый, светлый... Но ложные теории, заочное знакомство с народом, односторонность... уничтожают все стихотворение при первом его прикосновении с действительностью...

И сколько тратится у нас дарований, чтобы исказить народную жизнь, которой не знают, — дарований, которые могли бы принести огромную пользу, при более трезвом взгляде на действительность. Исказить жизнь, освещать ее искусственными красками, разве в этом истинная поэзия? Истина всегда выше лжи, какова бы она ни была».

Похвалы А. С. З. таланту Некрасова, упоминания о совершенстве его стихов должны были подчеркнуть объективность автора письма, правомерность его обвинений, оттенить еще более порочность и пагубность «теорий», которыми руководствуется поэт. От конкретного примера с «Железной дорогой» А. С. З. переходил к общей характеристике направления творчества Некрасова, всей демократической поэзии 1860-х гг. Он ратовал за правду, не смущаясь тем, что не слишком правдоподобна псевдонародная речь его мнимых собеседников, что вряд ли можно поверить в случайную встречу на протяжении двух недель с двумя строителями Московско-Петербургской железной дороги, давшими одинаковое сусально-умилительное описание работ, вступившими как бы произвольно в полемику с Некрасовым. И, как часто бывало в подобных случаях, правда провозглашалась ложью, а ложь правдой, писатели реалисты обвинялись в том, что они искажают истину, односторонне рисуют народную жизнь.

Такие обвинения являлись еще одним веским свидетельством жизненности стихотворения Некрасова, важности и злободневности затронутых в «Железной дороге» проблем.